

МОРЕ И ПАЛЬМЫ

Рассказ

Николай Петрович не запомнил нападавших. Помнил только, что сдал смену, закрыл тяжелую складскую дверь и неторопливо зашагал в сторону остановки, минуя обшарпанный пивной ларек. И тут сбоку, со стороны старых бараков, от грязной темноты подтаявшего переулка отделились двое.

Первым в палату заглянул молодой, подтянутый сотрудник в штатском. Внимательно выслушал Николая Петровича, чиркая в планшете, и быстрыми шагами удалился, чтобы никогда не возвращаться. Потом приходила полноватая женщина с усталым лицом, приносила апельсины и яблоки. Врачи сказали, что это его, Николая Петровича, жена.

– Коля, ты меня совсем не помнишь? – спрашивала она, вечерами раскрывая пыльный, покрытый коричневым бархатом альбом. – Это мы с тобой. Это наша свадьба.

С бледной, бумажной фотографии на Николая Петровича смотрела ярко накрашенная девушка в чересчур пышном платье. Николай Петрович не помнил.

– Это Катя, это Леша.

Ребятишки на фото сидели на карусели, серьезно смотрели в камеру и ели мороженое. Николай Петрович не помнил.

Жена вздыхала, убирала альбом на верхнюю полку шкафа и уходила спать. Николай Петрович некоторое время смотрел телевизор и укладывался в гостиной, на длинном диване.

Ему снились свободное падение, океан воздуха, синее небо и люди в яркой одежде. Они держатся за руки, а приближающаяся земля кружится и мелькает лоскутами зеленого и черного. Снилось, как он скользит по волне, а доска норовит вырваться из-под ног и сбросить в соленую воду, подняв россыпь брызг, которые заиграют миллионами оттенков. Снились ласковый бриз и смерч, окутанный молниями, извивающимися и кусающими землю, будто гигантские змеи. Снились сверкающие вывески вместе с тысячами огней и фар, рассеивающих ночь над большим городом, в котором бесконечно идет игра. Снились пустыня и одинокая телефонная будка у шоссе. Россыпи звезд, теплая крыша машины и горячий кофе из термоса. Снились джунгли и вечная мерзлота.

– Знаешь, я помню, – произнес однажды Николай Петрович, сидя на кухне за маленьким столиком у окна.

– Что, что помнишь, Коля? – встрепенулась жена.

– Море. Прозрачное, теплое. Я тогда маску еще купил. И плавал-плавал. Рыбки такие яркие, красивые. И пальмы. Выныриваешь, и пальмы. Мы потом там еще были?

– Коленька, – испуганно вздохнула женщина. – Мы никогда на море не были.

Но Николай Петрович уже не слышал ее, как и звука бьющейся чашки.

– Коля! – послышалось ему во внезапном, угасающем порыве ветра.

В прозрачной, теплой воде ткало яркую сеть солнце. Он нырнул. Рядом красноватыми и серебристыми струйками замелькали рыбки.

ВАСЬКА

Рассказ

Все дети мира плачут на одном языке

Холодным, осенним утром Ваську разбудили рано. Только что он бегал и играл во сне – не помня себя от радости, носился взад-вперед вместе с братом и сестричкой, – а сейчас, сидя в холодном вагоне, моргает спросонья большими и удивленными глазами.

Высоко вверху бледными пятнами проступают из серой полутьмы серьезные лица больших людей, которые совсем не обращают на Ваську внимания. Он плотнее прижимается к знакомым коленям и зарывается носом в теплую кофту.

Гремят колеса. Ваське хоть и страшно, но любопытно. Высунув голову из укрытия, он с интересом озирается.

– На рынке выходите? – слышится рядом голос. – Какой симпатичный.

Ваську глядят по голове.

Невнятно хрипит коробочка на стене, двери открываются, и на Ваську обрушивается холодный воздух. Вверху переговариваются большие люди и шуршат бумажки. Ему хочется, как дома, цапнуть их и носиться, пока не поймают, а потом понарошку яростно отбиваться, но Васька побаивается.

Улица встречает водопадом звуков и запахов. Солнце прогревает воздух, красиво сверкая в лужах и стеклах домов. Отвлекаясь на все вокруг, Васька не сразу замечает, что знакомых коленей рядом нет.

Такое с ним впервые. Он еще маленький и раньше никогда не оставался один, да еще в незнакомом месте. Мама всегда была рядом, стоило Ваське позвать. Вот и сейчас, наверное, надо просто позвать. Васька громко кричит, но его голосок тонет в гуле и шуме торопливого города. Конечно, его не слышат. Озираясь по сторонам, Васька пытается угадать, в какой стороне искать. Мокрый асфальт неприятно холодит ноги. Бежать получается совсем не так быстро, как дома. Перед Васькой мельтешат сапоги и ботинки, едва не наступая на него и безразлично проносясь мимо. Приткнувшись в уголок, он несколько раз кричит что есть силы. Наверняка его уже ищут и сейчас придут на помощь. Но стена ног катится мимо, обдавая Ваську холодом и брызгами из луж.

Ему становится страшно. Васька вдруг понимает, что проголодался и замерз. Не в силах больше сдерживаться, он начинает громко плакать и звать маму.

Наконец, около него останавливаются большие ботинки. Васька замолкает и с надеждой смотрит вверх.

– Это что? – слышит он. – Я сколько раз тебе говорил? Чтобы не было этого на территории!

Ваську поднимают и несут. Рыча и жужжа, мимо проносятся огромные, сверкающие пятна. Что-то огромное и зеленое гудит, подгоняя людей.

Ваську ставят на землю. Он оборачивается и пытается догнать человека в ботинках, но тот удаляется слишком быстро. К тому же, Васька не понимает, надо ли за ним бежать. Васька растерян и испуган.

Вдруг он, кажется, слышит знакомый голос. Сейчас он догонит его, и все будет, как раньше! Не разбирая дороги, Васька бежит как можно быстрее. Но внезапно видит яркую вспышку и чувствует сильную боль. Васька хочет позвать на помощь, но почему-то не слышит себя. Он пытается понять, что произошло – в чем он провинился на этот раз и почему так больно? Но на него уже накатывается милосердная темнота.